

SHOUT
SHARE **IT**

-
- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10

Кирши Андреев

ХОЗЯИН
ЗАМКА
МОНТЕ-КРИСТО

Литературный
портрет

Восторженные поклонники, друзья и даже противники часто называли его «Александром Великим» — одни с восхищением, другие с гордостью, третьи с оттенком иронии.

Это был человек огромного роста, с лвиной головой, курчавыми волосами и маленькими хитрыми голубыми глазками. Его хрипловатый голос звучал, казалось, издалека, как рев обильного, но не бурного водопада. В его присутствии все обычно молчали, так как говорил «Александр Великий» по несколько часов подряд, извлекая всё новые и новые факты из недр своей чудовищной памяти. Но у этого неисчерпаемого потока красноречия была одна особенность: о чем бы ни шла речь в разговоре, Дюма очень умело, но в то же время очень безапелляционно всегда сводил его к самому себе.

В Сен-Жермене, аристократическом пригороде Парижа, у него был собственный замок «Монте-Кристо». Еще издали были видны готические башни, выступавшие из-за высоких вязов. Потом взорам посетителя открывались фигурные балконы, фронтон, украшенный итальянской скульптурой, витражи в свинцовой оправе, боковые башенки, сторожевые вышки, флюгера с вымпелами, золоченые инициалы А.Д., вплетенные в решетку.

С каждым шагом взору посетителя открывались все новые постройки: птичник, конюшни, обезьянник, театр... И за каждой дверью стоял слуга араб в чалме.

Волшебный сад окружал главное здание. Шумели искусственные водопады; как слюда, блестели миниатюрные озера с карликовыми островами. И на одном из них, как дом Гулливера в стране лилипутов, возвышался восьмиугольный павильон из массивных камней. Внутри он был оклеен голубыми обоями; лазурный потолок был усеян золотыми звездами. Снаружи, на каждом камне постройки, было высечено название одной из книг или пьес Дюма. Над аркой этого единственного здания, куда не допускался никто из посторонних и где писатель работал, красовалась латинская надпись: «Cavea canem» — собачья пещера!

Вечный праздник царил в замке «Монте-Кристо», похожем на сказочный дворец из «Тысячи и одной ночи». Хозяин — в черной или синей бархатной ермолке, в фантастической куртке с воротником из редкостных валансьенских кружев, с толстой цепью на животе — встречал посетителей у входа. Он приглашал гостей только по воскресеньям, «чтобы отличить этот день от других, — как говорил он сам, — когда они сами себя

приглашают». Тем не менее, каждый день гости приезжали и уезжали; кто оставался на день, кто на неделю или на месяц. Хозяин был одинаково любезен со всеми, хотя часто не знал своих гостей даже в лицо, а не только по имени.

Иногда в огромном зале не хватало места, тогда обеденный стол накрывали на лужайке. Вокруг, под сенью деревьев, стояли греческие амфоры, наполненные льдом, и восточные золотые вазы с фруктами. Хозяин говорил, не останавливаясь, как арабский сказочник. Винные погреба замка казались бездонными. Обед незаметно переходил в ужин. С наступлением темноты в саду вспыхивали бенгальские огни, и дрожащие лучи фейерверка озаряли здание театра, где каждый день для гостей Дюма шли его пьесы.

Дюма был великим жизнелюбцем. И поэтому жизнь была для него вечным праздником, неисчерпаемым источником чудес. Он поистине опьянялся ощущением счастья и успеха, который казался ему бесконечным. «Я живу, как птица на ветке, — говорил он. — Если нет ветра, я спокоен, если он есть, я раскрываю свои крылья и улетаю туда, куда он меня несет...» Он любил толпу, и толпа любила его. И недаром над аркой главного входа в замок «Монте-Кристо» красовалась надпись: «Я люблю тех, кто любит меня».

Он знал годы истинного величия, когда слава была его спутником и тенью. Во время путешествий Дюма встречали, как особу королевского ранга. В Мадриде его приветствовал караул гвардейцев, выстроенных во фронт. В Тунисе в его честь был дан салют в двадцать один выстрел. На масленицу 1847 года традиционный откормленный бык, которого украшают лентами и водят по улицам Парижа, именовался «Монте-Кристо».

Противники писателя говорили, что его произведения представляют собой продукцию «фабрики романов», созданы «Торговым домом Александр Дюма и компания», что сам Дюма только их подписывает, а пишут их его сотрудники, безыменные литераторы, «негры», как говорили тогда во Франции. Сам Дюма не отрицал этих легенд — напротив, он ими гордился. «У меня столько помощников, — говорил он, — сколько было маршалов у Наполеона!»

Он зарабатывал по двести тысяч франков в год, но тратил вдвое больше. Заключив договора с несколькими газетами одновременно, Дюма платил огромную неустойку одной, куда он не успел сдать в срок новый роман; судился с другой, которая обвиняла писателя в том, что представленная им рукопись написана не им, а сотрудниками. И тем не менее он успевал выпускать в свет по несколько томов в месяц. Их читали в

лачугах, трущобах и в императорских дворцах Парижа. Газеты не успевали закончить печатание очередного романа, как он уже переступал французскую границу, чтобы, победоносно пройдя равнины и доли старой Европы, переплыть океаны и моря, пересечь тропики и завоевать страны гипербореев и экваториальных народов, неся во все концы огромного мира славу Дюма, осененную трехцветным знаменем Франции.

В 1845 году публицист Эжень де Мерикур в памфлете, озаглавленном «Фабрика романов, торговый дом Александр Дюма и К^о», насчитал у него не меньше десяти сотрудников; другие увеличивали это число вдвое. И все же слава, его верная спутница, следовала за ним по пятам. И весь читающий мир восхищался его романами, даже если к этому восхищению примешивалась изрядная доля иронии.

Он постоянно судился со своими издателями и кредиторами и утверждал, что ненавидит судейское сословие. Однажды к нему пришли просить на похороны умершего в нужде судебного исполнителя.

— Нужно тридцать франков, мсье Дюма.

— Всего лишь тридцать франков на одного судебного исполнителя? Вот вам шестьдесят — похороните двоих!

Этот анекдот, как, впрочем, и многие другие, он сочинил про себя сам. На самом же деле он был очень добр и всегда готов поделиться с нуждающимся и последним франком или миллионом, если он у него в этот момент был; Дюма никогда не считал денег, он утверждал, что его карман наполняется золотом сам собой, как в сказке, что он неисчерпаем, как и его слава.

Он умел великолепно вскипать гневом, но почти тотчас же отходил и охотно прощал любого — действительного или мнимого — врага.

Он готов был, так же как и деньгами, поделиться с любым своей славой или талантом. Больше всего на свете он любил помогать молодым начинающим писателям и, как ребенок, радовался их успехам, пожалуй, даже больше, чем своей славе.

У Дюма в жизни бывали трудные минуты, но он всегда утверждал, что чувствует себя великолепно, — это был своеобразный самогипноз, который заражал окружающих. Оптимизм Дюма был так велик, что он нисколько не сердился на людей, которым не нравились его произведения: он их только жалел за то, что они лишены хорошего вкуса.

Дюма интересовался всем на свете и поэтому хотел, чтобы весь свет интересовался им самим. Ему нравилось, когда его имя было на устах у всего Парижа. Поэтому, когда не хватало фактов, писатель сам придумывал про себя анекдоты.

Он любил делать вид, что его произведения ничего ему не стоят, что они рождаются сами собой.

— Спросите у сливового дерева, как оно делает сливы, — говорил он.

— Академики! — возмущался он. — Подумаешь! Пусть они дадут обещание выпускать восемьдесят томов в год — и все равно обанкротятся. А я один дам вам сто!

— Отец, — спросил однажды его сын, — где ты успел изучить жизнь?

— Ба! — ответил Дюма величественно. — Я весьма остерегался ее изучать, иначе где бы я взял время для того, чтобы писать!..

Но, конечно, это была только шутка. В действительности Александр Дюма был хорошо образованным человеком, глубоко знающим жизнь, большим писателем и великим тружеником.

Все, что рассказано выше, — лишь великолепная декорация, изображающая парадный фасад чудесного, фантастического здания. Но за этим раскрашенным холстом находились полутемные кулисы, где кипела незаметная, но тяжелая работа людей, готовящих пышное и блестящее представление.

Его рабочий кабинет в фантастическом павильоне был обставлен со спартанской простотой: большой белый деревянный стол, около стола — два стула, на камине — книги, рядом — железная кровать. Это скорее походило на мастерскую ремесленника, чем на кабинет модного писателя.

В одном жилете, без галстука, он работал с наслаждением, со страстью по двенадцати — пятнадцати, часов в день. Перо его скользило без усилий. Писал он на бумаге большого формата, которую ему присылал один лилльский фабрикант, его поклонник. Он покрывал широкие листы своим крупным, быстрым, легким почерком, с огромным количеством прописных букв, появляющихся в неожиданных местах. Рукописи его были почти без знаков препинания, — этим занимались секретари: расставляли знаки, снижали буквы и уничтожали повторение слов.

Он любил гостей и шум толпы. Но, когда он уединялся в своем рабочем кабинете, никто не должен был ему мешать. И если, даже с его разрешения, к нему заходил посетитель, то Дюма протягивал ему левую руку, не переставая писать даже во время разговора. Точно в назначенное время ему приносили завтрак на круглом столике. Не вставая со стула, он поворачивался, быстро ел, запивая острые блюда, которые так любил, сельтерской водой. Несмотря на гомерические излишества своих героев, Дюма был очень воздержанным человеком: не курил, не пил ни вина, ни даже кофе.

Дюма был одним из самых талантливых каллиграфов Франции, чьим почерком восхищались знатоки. Романы он писал на голубой бумаге (все того же лилльского фабриканта), пьесы и статьи — на розовой, стихи — на желтой; драмы писал специальным почерком рондо, причем сочинял их не за своим рабочим столом, а лежа, опираясь локтем о подушку.

Он работал без усталости — как машина, как огромное литературное сообщество. Его останавливали лишь припадки страшной лихорадки. Но и тогда он был не побежден, не поддавался. Стуча зубами, он ложился на свою железную кровать, ощупью брал стакан с лимонадом, поворачивался лицом к стене

и, по его собственным словам, «входил в свою лихорадку».

Признавая наличие у себя помощников и сотрудников, Александр Дюма в глубине души все же считал себя — и не без оснований — единственным автором своих произведений.

«Как вы могли поверить этой популярной басне, — писал он в интимном письме Беранже, — покоящейся всего лишь на авторитете нескольких неудачников, постоянно старающихся кусать пятки тех, у кого имеются крылья?»

Итак, вы могли поверить, что я завел фабрику романов, что я, как вы выражаетесь, имею рудокопов для обработки моей руды! Дорогой отец, единственная моя руда — это моя левая рука, которая держит открытую книгу, в то время как правая работает по двенадцати часов в сутки. Мой рудокоп — это воля к выполнению того, чего до меня ни один человек не предпринимал. Мой рудокоп — это гордость или тщеславие (как хотите), чтобы одному сделать столько, сколько делают все мои собратья-романисты, вместе взятые, — и притом сделать лучше... Я совершенно один! Я не диктую Я все пишу самолично».

Постоянные толки о сотрудниках Дюма были действительно очень часто мезью его врагов, завистников и недоброжелателей. Первым из них был Мерикур, широко пустивший по свету легенду о том, что почти все романы Дюма написаны чужими руками. И эта легенда так живуча, что и сейчас, спустя столетие, приходится так многословно ее опровергать. Любопытно, однако, что именно главный обвинитель должен был бы сам сидеть на скамье подсудимых. В 1847 году Пьер Мазерель, сотрудник де Мерикура, выпустил книгу «Исповедь одного биографа. Предприятие Эжень де Мерикур и К°». В нем он рассказал, что памфлет, направленный против Дюма, был написан вместе с сотрудниками «Торгового дома Мерикур».

Профессор Огюст Маке, неоднократно судившийся с Дюма по вопросу об авторстве и которому молва приписывала авторство и «Мушкетеров» и «Графа Монте-Кристо», писал своему мэтру:

«Пока жил на свете, я был чрезвычайно счастлив и крайне польщен честью числиться сотрудником и другом самого блестящего из французских романистов».

Роман «Прекрасная Габриель», написанный Маке после окончательной ссоры с Дюма и переведенный на русский язык, может служить лучшим оправдательным документом в пользу Дюма, ни одно из произведений, написанных его сотрудниками самостоятельно, никогда не достигало — и далеко! — уровня романов, выпущенных «фирмой Александр Дюма»!

Обычно Дюма приглашал своих сотрудников в отдельный кабинет первоклассного модного ресторана и угощал

фантазмагорическим ужином. Когда столы были убраны, за кофе (которого писатель не пил) и сигарами Дюма, воодушевляясь, рассказывал своим друзьям какую-нибудь романтическую повесть, которую, распределив ее главы между собой, они должны были потом изложить на бумаге. Этот устный черновик писателя имел для него огромное значение — недаром Дюма обладал чудовищной памятью и помнил свои произведения (по крайней мере написанные в этом году) почти наизусть. Все словечки, рождающиеся при устном рассказе, все жесты, весь динамический стиль повествования, все мелодраматические эффекты, появляющиеся иногда лишь на мгновение, — все вновь возникало перед автором, когда он, после того как все было написано и отдельные части сведены вместе, брал огромный карандаш и редакторской рукой проходил по рукописи. Он вычеркивал отдельные сцены, писал черновики новых, правил слишком причесанный стиль своих сотрудников и там, где нужно, вписывал маленькие сценки, которые, как бенгальским огнем, освещали все произведение.

Так рождались романы, в которых в каждой строчке была видна неповторимая индивидуальность Дюма — кто бы ни помогал ему над ними работать. И верным было мнение современников писателя: «Маке был только каменщиком, Дюма же — архитектором...»

Но лучшие произведения Дюма — такие, как «Мушкетеры» и «Монте-Кристо», — написаны с начала до конца его собственной рукой.

Признать Дюма подлинным автором почти всех подписанных его именем романов мы должны даже в тех случаях, когда он использовал (частью по-своему) готовые образы и широко черпал материал из чужих произведений. Ведь бродячие сюжеты всегда считались ничьей собственностью, пока они не попадали в руки гениев или даже просто талантливых людей! А то, что Дюма был талантлив, не отрицали даже его враги.

Его любили Карл Маркс, Менделеев и Диккенс.

«Вы сверхчеловек! — писал ему Ламартин. — Мое мнение о вас — это восклицательный знак!»

Гейне так увлекался произведениями Дюма, что утверждал, будто Дюма первый открыл французам Шекспира, что в своих блестящих пьесах он создал новую школу французского театра. Парализованный, полуслепой, на пороге смерти — он мог передвигаться, лишь держась за веревку, висевшую над его постелью, — Гейне черпал оптимизм в романах Дюма и писал: «Дюма — самый замечательный рассказчик из всех, кого я знаю. Какая легкость! Какая непринужденность! И какой он добрый мальчик!»

Бальзак читал не отрываясь «Трех мушкетеров». Без сомнения, ему было неприятно так растрачивать время — ведь Дюма, по его мнению, так плохо осведомлен в истории! — «но следует признать, что он очаровательный рассказчик!»

Проспер Мериме предпочитал Дюма Вальтеру Скотту. Романы Дюма — «лучшее лекарство от физической и моральной усталости, — писала Жорж Санд. — Ошибки же его — ошибки гения, слишком часто опьяненного своей мощью...»

«Я поражен вашим неукротимым талантом, — писал знаменитый французский историк Мишле, — применяющимся к стольким абсурдным требованиям. Я поражен вашей героической твердостью... Я вас люблю, я вас обожаю потому, что вы явление природы!»

И даже Гюго, ссорившийся с Дюма всю жизнь, писал в старости, что любит его с каждым днем все больше и больше и не только потому, что «вы тот, кто ослепляет своим блеском мой век, но и потому, что вы — одно из его утешений».

Однако Дюма писал не для этих корифеев, которые, даже восхищаясь, все же ставили его ниже себя. Он писал для народа — для тех, кто, лишь недавно научившись читать, впервые приобщался к литературе. Это была миллионная аудитория, создавшая славу Дюма.

Во время репетиции одной из его пьес писатель вдруг заметил, что из зала исчез пожарный, с любопытством наблюдавший за представлением. Тогда Дюма немедленно отправился в кабинет директора театра, взял рукопись той картины, что репетировалась, и бросил ее в камин.

— Что вы делаете? — спросил изумленный директор.

— Эта сцена не понравилась пожарному — он ушел. Поэтому

я ее уничтожаю. Теперь я хорошо вижу, чего в ней не хватает.

И он тут же, за столом директора, написал всю картину заново.

Этот анекдот как нельзя лучше характеризует чуткое внимание Дюма к мнению массы — зрителей и читателей, — того самого Дюма, который, по утверждению многих исследователей, так нетерпимо относился ко всякой критике.

Он все время стремился говорить со своими читателями через головы редакторов, издателей и критиков. Для этого он основал свои собственные журналы: сначала — «Монте-Кристо», потом — «Мушкетеры». Но они захирели еще во младенчестве: у великолепного «Александра Великого» было слишком много договоров и обязательств, слишком много кредиторов и долгов, и у него не хватало времени заполнять эти журналы только своими собственными произведениями, как он мечтал.

Таким непосредственным разговором с читателями были и его бесчисленные «Путешествия», «Записки», «Дневники» и «Воспоминания». Все это — самые личные, самые душевные мысли писателя, хотя часто и облеченные в фантастические одежды арабской сказки. Но достаточно отодвинуть в сторону этот пышный занавес в стиле «Тысячи и одной ночи», и мы услышим простой, чистый и ясный голос писателя.

При всем своем благородном простодушии — а может быть, именно благодаря ему — Дюма очень любил интриговать своих читателей, изображать себя совсем иным, чем он был в действительности. Он даже выдумал шуточную басню, где изобразил свой труд таким, каким представляли его недоброжелатели.

«Одна ферма обрабатывается тремя друзьями, — писал он. — Один жнет, другой возит снопы, третий молотит и веет. Я молочу и провеиваю. То, что остается на току, я отдаю курам. Вот почему все куры прибегают на мой голос, когда я зову: „Сюда, крошки, сюда!“ Курочки эти даже не знают голосов моих товарищей, занимающих на ферме более высокое положение, чем я...»

В этой сказочке есть правда и неправда. Правда заключается в том, что он действительно пользовался чужим трудом, не только своих сотрудников, помощников, но и своих предшественников и современников; он и сам не скрывал этого, только называл это не заимствованием, а «завоеванием». Неверно то, что читатели не знали его великих современников, — они знали и Стендаля, и Гюго, и Бальзака, но предпочитали им Дюма, быть может, менее талантливого и глубокого, но более действенного, более понятного. Толпе, только что получившей в руки дешевую книгу (в 1827 году был построен первый механический печатный

станок), нужна была массовая книга. И новые читатели нашли то, что искали, в романах Дюма, словно написанных ударами шпаги. Дюма обращался со своими читателями, как ветер обращается с древесным листком, — вел его туда, куда хотел. И увлеченные читатели полюбили нарисованные им картины, полные света и движения, озаренные фантастическими огнями фейерверка и блеском розовых молний, одушевленные жизнерадостными и смелыми героями — героями шляпы с перьями, плаща и шпаги. Дюма щедро наделял своих героев своим собственным красноречием, своей веселостью, своей любовью к приключениям. Поэтому народ полюбил не только персонажей его романов, но и их главного героя — их автора, Александра Дюма.

Знаменитый писатель Александр Дюма родился 24 июля 1802 года (точнее — 5 термидора X года, так как тогда еще действовал революционный календарь) в местечке Вилле-Коттре, расположенном в самой середине Франции.

Само местечко Вилле-Коттре ничем не было примечательно, кроме рынка и станции почтовых карет. Но в шести лье лежал старинный город Суассон — в средние века столица одного из франкских государств. А с другой стороны местечка на много лье простирался густой лес, с охотничьим замком Франциска I — королевский заповедник, где когда-то охотились Генрих II вместе с Дианой де Пуатье, Франциск I и Мария Стюарт, Генрих IV и прекрасная Габриэль.

В двух лье от местечка родился великий поэт Расин, в семи лье — баснописец Лафонтен. На расстоянии одного лье лежала деревня, где начал жизнь знаменитый песенник французской революции Анж Питу. Вся эта долина представляла собой нечто вроде литературного сердца Франции или заповедника французской истории.

Однако происхождение Дюма совсем не типично французское. Он унаследовал в своем характере не только задатки жителей различных французских провинций, но и разных классов и даже разных рас.

Его дед, нормандский аристократ маркиз Дави де ля Пайетери, генеральный комиссар артиллерии королевской Франции, по-видимому разочаровавшись в пустой светской жизни, в возрасте пятидесяти лет покинул родину, чтобы поселиться на своих тропических плантациях в Вест-Индии, на острове Сан-Доминго, бывшем в те годы одной из колоний Франции. Там он надеялся обрести покой.

Мы не знаем, исполнилось ли его желание, но через два года у него от «черной невольницы», как тогда говорили, Мари Сезетт Дюма родился сын — Тома Александр Дюма.

Этому мулату суждено было стать отцом прославленного во всем мире романиста Александра Дюма.

Враги никогда не забывали, что в жилах знаменитого писателя течет негритянская кровь. При случае они всегда старались напомнить ему о его происхождении.

— Если не ошибаюсь, — спросил один недоброжелатель на светском балу, — в ваших жилах течет цветная кровь?

— Вы не ошибаетесь, монсиньор, — ответил Дюма. — Мой отец был мулатом, бабушка негритянкой, а мои отдаленные

предки — обезьянами. Как видите, мой род начинается тем, чем кончается ваш!

Однако первому из трех Александров Дюма (третьим был Александр Дюма-сын, тоже известный французский писатель) была суждена иная судьба, чем участь раба на плантациях Сан-Доминго или прихлебателя при дворе знатного маркиза. По-видимому, отец хорошо к нему относился, так как, возвращаясь на родину, взял молодого Дюма с собой.

Это были бурные годы Великой французской революции, провозгласившей лозунг: свобода, равенство, братство! Юноша с поработщенного острова любил свободу; рожденный от невольницы, он жаждал равенства; братство с французским народом, к которому он принадлежал лишь наполовину, было его мечтой. Он был смел, горяч, честолюбив. И Тома Александр Дюма, которому только что исполнилось двадцать лет, вступил в республиканскую армию.

Его военная карьера была похожа на огненный полет метеора. Солдат, капрал, лейтенант, подполковник, бригадный генерал, генерал армии — на прохождение этой лестницы, по которой он шагал иногда через несколько ступенек, понадобилось всего лишь двадцать месяцев, а интервал между первым и последним генеральскими званиями составил только пять дней! Генерал Дюма был верным солдатом революции! И он остался ей верен до самой смерти.

Сохранился портрет генерала Дюма работы художника Летвера. На нем изображен смуглый суровый человек огромного роста с огненным взглядом черных глаз. Правой рукой он удерживает за повод горячего коня; слева к нему ласкается охотничья собака; вдали, за его спиной, — поле битвы. Это тот мир, в котором он прожил свою короткую блестящую жизнь.

Ему пришлось служить вместе с генералом Наполеоном Бонапартом и сопровождать его в египетском походе. Но позже их пути разошлись: любовь к республике была у Дюма в сердце, Бонапарт был республиканцем из политических соображений. Генерал Дюма умер сорока четырех лет, в 1806 году, — через два года после того, как Наполеон провозгласил себя императором.

После него осталась вдова Мари-Луиза, урожденная Лабуре, дочь командира национальной гвардии местечка Вилле-Коттре, и четырехлетний сын.

Мальчик очень любил отца. Когда генерал лежал на смертном одре, ребенок, сверкая глазами, с пистолетом в руке, выбежал из дома.

— Куда ты бежишь? — остановила его заплаканная мать.

— Я отправлюсь на небеса!

— Зачем?

— Чтобы убить доброго бога, который убил моего папу...

Позже, когда Александр стал уже взрослым, мать уговаривала его принять фамилию Дави де ля Пайетери, своего деда, — это было в обычаях того времени, когда свирепствовала реакция, стремящаяся стереть даже память о революции. Но юноша ответил:

— Нет, я сын генерала Дюма! Я знаю моего отца. Я не знаю своего деда...

Писатель унаследовал много черт характера от своего отца и щедро наделял ими своих героев. Их жизненная сила, колоссальная энергия, воля к действию, непоколебимость, любовь к приключениям — наследство генерала. Это братство меча и мушкета на поле вечной жизненной битвы.

Мальчик из провинциального Вилле-Коттре рос, не получая никакого образования. Аббат Грегуар, местный священник, научил его читать и писать. Каллиграфия стала для юного Александра поэзией и страстью — он писал поразительно красиво: ровно, как по линейке, выводя волосные штрихи и округлые нажимы. Книжки открыли ему иной мир, не похожий на окружающую сонную французскую провинцию.

Подбор его любимых книг несколько странен: библия, «Иллюстрированная мифология», «Естественная история» Бюффона, «Робинзон Крузо» и «Тысяча и одна ночь» в вольном переводе Галлана. Но в этом подборе — весь Дюма.

Тринадцати лет он поступил писцом к местному нотариусу. К этому времени Дюма уже писал стихи и мечтал о славе писателя. Он утешал себя тем, что великий французский поэт Корнель тоже начинал свою карьеру писцом у нотариуса.

К этому времени он уже открыл Вальтера Скотта и Шиллера. Юноша коротал свои досуги в тени королевского леса. И иногда ему казалось, что рядом оживают тени, будившие некогда звуком охотничьего рога тишину дубрав, что он чудом перенесен в другой век...

В 1815 году мальчику пришлось дважды увидеть Наполеона. Сначала император во главе всей армии проследовал через Вилле-Коттре, следуя на поле Ватерлоо. Через несколько дней он один промчался по главной улице местечка после величайшего в своей жизни поражения. Это была живая история, которая, как видение, навсегда осталась жить в памяти будущего писателя.

Восемнадцати лет Дюма довелось совершенно случайно увидеть в Суассоне, в исполнении учеников консерватории, «Гамлета». Так он одновременно открыл Шекспира и театр. Перед ним словно распахнулось окно в иной, сверкающий мир, где

бушевали неистовые страсти, свирепствовали неимоверные бури и исполинские характеры героев раскрывались в яростных столкновениях... «Я был слеп, и я прозрел», — записал будущий писатель в своем дневнике.

Теперь юноша не мог думать ни о чем другом, кроме театра. Но театры были только в Париже. Париж! В одном этом слове для Дюма был сконцентрирован весь огонь и блеск литературы того времени. Но у него не было никаких средств и даже не было денег на проезд до столицы.

И, однако, он решился. Двадцати лет он покинул родной город: сел в омнибус, останавливающийся прямо против дверей его дома. В кармане юноши было пятьдесят три франка и рекомендательные письма матери к бывшим друзьям его отца, которые сами были в опале, как бывшие республиканцы и бонапартисты, и владели жалкое существование. Проезд до Парижа ничего ему не стоил: он выиграл его на бильярде у содержателя омнибусов.

Юноша, приехавший «завоевать Париж», как тогда говорили, был счастливчиком. Он мало знал, не имел профессии и не умел ничего делать. Но по рекомендации генерала Фуа, старого друга его отца, ему все же удалось получить место писца в канцелярии герцога Орлеанского с окладом в сто франков в месяц. Ему помогли две вещи: великолепный почерк и то, что сам герцог находился в оппозиции к королевскому правительству и даже некогда участвовал в знаменитой битве при Вальми, сражаясь на стороне республики.

Судьба такого типичного «молодого человека девятнадцатого столетия» была не раз описана французскими писателями прошлого века: малообитаемый чердак, который в романах обычно именуется благородным французским словом «мансарда», случайный заработок, попытки напечатать или поставить на сцене свои произведения, жизнь впроголодь.

Один из сотрудников канцелярии, заметив невежество молодого Дюма, шутя перечислил ему книги, которые, по его мнению, должен знать каждый образованный человек. Список был составлен не без иронии, со многими излишествами (он сохранился в «Воспоминаниях» Дюма), но молодой человек воспринял его всерьез. С этих пор он почти разучился спать. На сон он выделил лишь четыре часа в сутки. Остальное время, свободное от работы, он посвящал чтению. При его феноменальной памяти это был целый университет. Так он получил образование — быть может, одностороннее, избыточное пробелами, но незаурядное по тем временам.

В 1825 году в театре «Амбигю» была поставлена пьеса «Охота и любовь», написанная Дюма совместно с Левеном и Руссо. Как мы видим, Дюма начал свою карьеру с литературного сотрудничества, только на этот раз он был младшим компаньоном.

Пьеса принесла авторам сборы по четыре франка за спектакль и скоро сошла с репертуара. Но герцог, которому нравилось иметь своим писцом драматурга, увеличил его оклад на двадцать пять франков в месяц.

Вскоре в театре Порт Сен-Мартен была поставлена новая пьеса — «Свадьба и похороны». Авторами ее были Дюма, Юстав и Лассань. Она принесла драматургам уже по шести франков за спектакль. А оклад Дюма увеличили еще на двадцать пять франков. Это дало возможность Александру Дюма за свой счет издать в том же году небольшой томик новелл. Однако из всего

тиража было продано всего лишь четыре экземпляра.

Ему было двадцать три года. По современным понятиям, он уже был драматургом и прозаиком. В королевском Париже начала прошлого века он был никем, так как у него не было ничего, кроме долгов и фамилии республиканского генерала.

То были годы бурного расцвета молодой французской литературы. Небольшая кучка молодых писателей во главе с Виктором Гюго, объединившись вместе, подняла знамя романтизма. Здесь было все, что волновало в те годы молодежь Франции: протест против жестких норм литературного классицизма, где героями могли быть только боги и короли, место действия ограничивалось одним домом, а время действия — сроком от рассвета до полночи. Здесь был культ революционной героики, отнесенной авторами к иным временам и далеким странам — для успокоения цензуры, — но понятный зрителям, заполнявшим зал. Здесь был протест против пережитков феодализма, здесь был народ — творец истории и создатель материальных и духовных ценностей. И романтики не остались одинокими, — за ними пошла вся молодая Франция.

Молодой Дюма примкнул к кружку романтиков со всем пылом юности. Но молодому писателю, который позже любил изображать свою карьеру как сплошной триумфальный путь, по которому его вела Фортуна — богиня счастья древних римлян, — понадобилось шесть лет упорного труда, чтобы овладеть тайнами литературного мастерства. Его драма «Христина Шведская» произвела сенсацию в кружке, но не была принята на сцену. И лишь в 1829 году ему удалось поставить на сцене театра «Одеон» пьесу «Генрих Третий и его двор».

Спектакль имел колоссальный успех. Вместо условных героев классического французского театра,двигающихся по сцене лишь лицом к публике, не разговаривающих друг с другом, но напыщенно декламирующих стихи, — толпа увидела живую жизнь, услышала прозаическую речь, выраженную тем языком, на котором говорила она сама. Пьеса состояла из ряда картин, живописных и эффектных, хотя и плохо связанных друг с другом. Страсти героев были необыкновенны, характеры их очерчены резко, действие полно драматизма, диалог похож на удары скрещенных шпаг противников. Сцена была полна блеска и движения. И зрители не могли отвести от нее глаз.

Это была первая великая победа молодого французского театра. Пьеса Виктора Гюго «Эрнани», вокруг которой разыгрались особенно жестокие литературные битвы, появилась на сцене лишь год спустя.

Парижская толпа особенно шумно приветствовала молодого

драматурга еще и потому, что драма Дюма имела широкое общественное звучание. В ней смело обличались кровавые преступления французского королевского двора. Она звучала антимонархически. Стоит напомнить, что близилась революция 1830 года.

Герцог Орлеанский, присутствовавший на премьере и бывший в то время главой умеренной оппозиции, похвалил драматурга и назначил его своим библиотекарем. Это была синекура — должность без обязанностей, но приносящая Дюма доход в тысячу двести франков в месяц.

Противники пытались запретить пьесу, но народ оказался сильнее кучки реакционеров. И даже король Карл X, тоже побывавший на представлении, вынужден был уступить общественному мнению. На настойчивые требования придворных вмешаться он ответил:

— В театре я только зритель, как и все.

Слава Александра Дюма переступила порог его дома, раскинула крылья и покрыла ими весь Париж. Имя Дюма отныне знал каждый парижанин. Из мелкого служащего он в одну ночь превратился в профессионального драматурга и с тех пор ставил в парижских театрах по пяти—шести пьес в сезон.

В 1830 году Дюма собрался путешествовать. Он решил начать с Алжира. Но двадцать шестого июля, в день отъезда, развернув правительственную газету «Монитор», он прочел шесть чрезвычайных указов короля Карла X, представлявших открытое нарушение конституции. В них объявлялась распущенной только что избранная палата депутатов, лишались права голоса промышленники и торговцы и ограничивалась свобода печати.

— Я предпочел бы скорее колоть дрова, чем царствовать на таких условиях, как английский король!.. — сказал Карл, подписывая указы.

— Черт возьми, я остаюсь! — заявил Дюма, прочтя газету. — Жозеф, подайте мою кольчугу, двуствольный мушкет и двести патронов двадцатого калибра!

Улицы были заполнены шумящей толпой: рабочие, ремесленники, мелкие служащие, мелкие торговцы, студенты, отставные офицеры и солдаты наполеоновской армии взяли за оружие и воздвигали баррикады. Вечером раздался первый выстрел, и народ вступил в бой с королевскими войсками.

Дюма — в кольчуге и каске, со шпагой на боку, мушкетом на плече и с карманами, оттопыренными от патронов, — участвовал в маршах и контрмаршах национальной гвардии, помогал строить баррикады и вместе с толпой пел «Марсельезу». Он был весь огонь: ему казалось, что и он творит историю Франции.

Толпа была пестрой.

— Да здравствует республика! — кричали одни.

— Да здравствует конституция! — вторили другие.

— Да здравствует император Наполеон Второй! — раздался одинокий голос.

Но один лозунг объединял всех:

— Долой Бурбонов!

В восстании участвовало восемьдесят тысяч парижан. Двадцать девятого июля восставшие с боем овладели королевским Тюильрийским дворцом, над которым при криках «Да здравствует свобода!» взвился трехцветный флаг первой революции.

Однако, несмотря на победу народа, власть была захвачена крупной буржуазией. Умеренный либерал герцог Орлеанский, покровитель Дюма, стал королем Луи-Филиппом. И все же новое правительство вынуждено было сохранить трехцветный флаг республики.

— Ну что же, — сказал Дюма, — вместо одного короля мы получили другого. Только и всего!

Однако положение Дюма упрочилось. Он был славен, он был велик, он был богат. Но он был лишь на полпути к вершине своей славы.

Июльская монархия, как историки называют эпоху между двумя революциями — 1830–1848 годы, — была золотым веком крупной буржуазии: промышленников и финансистов.

После июльских дней буржуазия стала считать революцию законченной и сделалась ярой сторонницей существующих порядков. Несмотря на введение избирательного права, голосовать имели право лишь очень богатые люди. На требование расширить избирательные права премьер-министр Гизо ответил: «Обогащайтесь, господа, и вы станете избирателями».

Слова: «Обогащайтесь, господа!» — стали лозунгом тех, кто пришел к власти и хотел прибрать к рукам все богатства страны, созданные народом Франции.

Старая аристократия меча и шпаги смешалась с новой аристократией тугого кошелька. Возникали новые фабрики, строились железные дороги, ширилась заморская торговля. В 1830 году началось завоевание Алжира: готовился захват обширных и богатых африканских колоний. Буржуазная Франция выходила на мировую арену.

Новые богачи, сколотившие миллионные состояния, стремились к внешней пышности. Великолепные дворцы воздвигались в пригородах Парижа. Глаза полуголодных парижан ослеплял блеск великолепных карет, сверкание золотого шитья и драгоценных камней, яркие цвета костюмов из шелка, бархата и бесценной парчи.

И Александр Дюма не мог не поддаться соблазну этого внешнего величия: слишком глубок был контраст между нищетой его детства и нынешним богатством. Писатели, раньше жившие милостью королей и высшего дворянства, ныне составляли себе состояния, работая для многих тысяч читателей.

Роман-фельетон, печатающийся с продолжениями, завоевал все газеты, так как именно он обеспечивал им тираж. За один только роман «Парижские тайны» Эжен Сю получил сто тысяч франков. Его «Парижские тайны», «Мартин Найденыш», «Тайны народа» читал весь Париж, вся Франция. За ним следовали «Два трупа», «Записки дьявола», «Влюбленный лев», «Призрак любви», «Герцог де Гиз» Фредерика Сулье, которые расходились в громадном количестве экземпляров. От них не отставал Поль Феваль с его романами «Белый волк», «Лондонские тайны», «Сын дьявола», «Горбун». Он уже не успевал выполнять заказы газет и стал прибегать к помощи сотрудников, которые, в свою очередь, нанимали себе помощников.

Но признанным создателем этого нового направления приключенческой литературы, ее королем был Александр Дюма.

В те годы весь мир зачитывался книгами Вальтера Скотта, создателя исторического романа, оказавшего сильнейшее влияние на современную ему литературу и особенно на весь круг французских романтиков. Если до него писатели брались за исторические сюжеты, то изображали их вне времени и пространства — герои лишь носили исторические имена, а обстановка, мысли и поступки людей были современными. Вальтер Скотт впервые открыл значение местных особенностей: страны, климата, национальности. Он открыл читателям народную поэзию и впервые показал, что не отдельные великие люди, а сам народ является творцом истории, и рассказал о великих народных движениях. Он искал в истории необыкновенного и чудесного, но вовсе не презирал обыденной действительности — наоборот, он и ее умел увидеть чудесной и поэтической. Там, где классики даже пламя страсти изображали как бы замороженным и превратившимся в разноцветные кристаллы, Вальтер Скотт своим горячим сердцем растоплял эти кристаллы и возвращал им жизнь и движение. Он умел заглядывать в душу человека другой эпохи.

«Он не покрывает людей минувших времен нашим лаком и не гримирует их нашими румянами... Он сочетал щепетильную точность подлинных записей с величием исторической мысли», — сказал о нем Виктор Гюго.

В кругу романтиков был создан подлинный культ Вальтера Скотта. Естественно, что Дюма, так любящий французскую историю, увлекся историческими романами шотландского писателя. А увлекаться он умел со страстью. И, так как он ничего не мог делать наполовину, он, образно выражаясь, должен был отбросить в сторону перо рондо и розовую бумагу, предназначенные для драм, и отдать предпочтение голубой.

Наедине с самим собой и своими близкими друзьями Дюма был скромнен и правдив. Несмотря на шумные похвалы поклонников, он не преувеличивал значения своих пьес. «Я не буду называть себя основателем нового драматического жанра, — писал он, — ибо на самом деле я ничего нового не создал. Виктор Гюго, Мериме... создали этот жанр раньше и лучше меня: они создали из меня то, чем я являюсь».

Но для того, чтобы написать исторический роман, а тем более «драматизировать всю историю Франции», как пишут его восторженные поклонники, Дюма недостаточно знал историю, не был систематически образован. Нужен был помощник, нужен был материал, который Дюма мог бы одухотворить, оживить, так как

это умел делать только он.

Однажды к известному журналисту и издателю Жирардену явился молодой провинциальный профессор Огюст Маке с объемистой рукописью романа «Шевалье д'Армантабль». Роман был написан тяжелым слогом, но сюжет интересен, а материал собран с добросовестностью. Жирарден посоветовал обратиться к Дюма. Тот прошелся по рукописи своим огненным пером, и она стала неузнаваемой.

— Роман, подписанный именем Дюма, стоит три франка за строчку, — сказал Жирарден. — Если же он подписан Дюма и Маке, строчка стоит тридцать су.

Книжка вышла под именем одного лишь Дюма. Маке получил тысячу двести франков, Дюма — «все остальное», что выражалось в нескольких десятках тысяч. Но бывший профессор был доволен: и на него упала тень славы «Александра Великого».

С этих пор началось длительное и плодотворное сотрудничество Дюма и Маке. Особенно много сделал Маке для «Монте-Кристо» и «Трех мушкетеров» — этих лучших и наиболее типичных произведений Дюма.

1844 год, когда вышли в свет оба эти романа, был вершиной творчества и славы писателя. Тогда-то он начал возводить в Сен-Жермене свой фантастический замок, который обошелся ему почти в миллион франков. В Париже он строил свой собственный «Исторический театр», отделанный с небывалой роскошью, где должны были идти только его пьесы. Он писал одновременно несколько произведений и печатал их параллельно в разных газетах, не оставляя в то же время и драматургии. Свои романы, имеющие наибольший успех, он немедленно переделывал в пьесы. Работал Дюма без усталости, как машина, и все же не успевал воплощать в жизнь свои необъятные замыслы.

Щедрой рукой он разбрасывал деньги — ведь за каких-нибудь двадцать с лишним лет скудные франки, которые он копил на поездку в Париж, превратились в настоящий золотой дождь!

Даже сверхчеловеческое, железное здоровье Дюма не могло долго выдержать такого темпа. Пришла усталость, а вместе с ней с новой силой возродилась детская мечта о путешествиях. Ему хотелось отдохнуть от бесконечной работы — он имел на это право — и набраться новых впечатлений. Вдобавок само путешествие могло превратиться в литературное произведение. Дюма останавливало только одно: щедрый, даже расточительный, он не хотел расходовать на это деньги.

— Ведь это прямо постыдно, — жаловался он. — Мне, человеку такого положения, тратиться самому!

Конечно, это было причудой. Но об этом заговорил весь Париж, а этого-то и было нужно Дюма.

Мечта его исполнилась в 1846 году. Министр Сальванди предложил писателю совершить путешествие в Алжир и написать об этой колонии, в то время до конца не завоеванной (война там шла уже пятнадцатый год). Правительство рассчитывало, что книгу Дюма прочтет по крайней мере пять миллионов человек и что один из ста захочет стать поселенцем в этой богатой стране. Таким образом, за скромную сумму в десять тысяч франков, ассигнованных на поездку, правительство получит для Алжира по меньшей мере пятьдесят тысяч колонистов.

Дюма согласился, но сразу стал вести себя почти как коронованная особа. Он потребовал для себя специальный корабль, и ему был предоставлен военный корвет «Белое». По дороге он «заехал» в Испанию и посетил Мадрид, а по прибытии на судно велел выстроить команду и прошел вдоль фронта, принимая приветствия.

Когда корабль прибыл в Алжир, то оказалось, что маршал Бюжо, правивший в то время колонией, отсутствует. Тогда Дюма самовольно отдал приказание идти в Тунис. Капитан корабля, испуганный властным тоном, не терпящим возражения, исполнил этот приказ незамедлительно.

При входе корабля на тунисский рейд береговые батареи дали двадцать один залп в честь «Александра Великого». На берегу он с царской снисходительностью отвечал на приветствия местных властей, в костюме тирольского охотника стрелял орлов в ущельях и с хлыстом в руках дрессировал пойманного грифа.

— А, это вы, господин захватчик королевских судов? — приветствовал его Бюжо, когда наконец состоялась их встреча.

— Господин маршал! — величественно заявил Дюма. — Я подсчитал вместе с капитаном, что стоил правительству

одиннадцать тысяч франков. Путешествие Вальтера Скотта в Италию обошлось английскому адмиралтейству в сто тридцать тысяч франков. Следовательно, правительство должно мне еще сто девятнадцать тысяч!..

Слухи о самоуправстве Дюма дошли до Франции. И в палату поступил запрос, на который министр отказался отвечать. Узнав об этом, Дюма, возмущенный до глубины души, послал вызов на дуэль всем без исключения депутатам. Струсившие депутаты отказались драться, ссылаясь на свою депутатскую неприкосновенность, и общественное мнение, сначала осудившее любимца Франции, сразу повернулось в его сторону. Когда, закончив путешествие, писатель вернулся в Париж, ему устроили пышную встречу с фейерверком, который он так любил.

За первым путешествием, которое вызвало к жизни книгу «По Средиземному морю и варварийским владениям», последовали другие, описанные в книгах «От Парижа до Кадикса», «На берегах Рейна», «По Швейцарии», «От Парижа до Астрахани», «Кавказ». В них в свойственной ему живой и остроумной манере, смешивая правду с вымыслом, он писал о жизни других стран, об их природе, делал экскурсии в историю, приводя местные сказки и легенды. Все это сопровождалось веселой болтовней, где Дюма подшучивал над своими знакомыми, заставляя их на страницах его книг участвовать в разного рода комических приключениях, иногда весьма сомнительного свойства, в то время как они на самом деле и не покидали Париж. Особенно доставалось скромному художнику Жадену, жившему безвыездно в своей мастерской на улице Де-Дам: он был непременным участником наиболее рискованных приключений, созданных фантазией Дюма.

И все же, несмотря на обилие вымысла и преувеличения, «Путешествия» Дюма сыграли немалую роль в деле расширения кругозора французских читателей. Миллионы их, раскрывая очередную книгу «Путешествий», вступали в пестрый, разнообразный мир, полный блеска и движения, приобщались к широкому гуманизму и свободолюбию писателя. Они проникались верой в жизнь, в победу добра над злом, проникались живым и действенным оптимизмом.

Романы Александра Дюма очень рано узнали и полюбили в России. В годы, когда началась его деятельность, нигде в мире так не ценили и не читали французскую литературу, как в нашей стране.

Его первым переводчиком на русский язык был Виссарион Белинский и одним из первых читателей — Александр Герцен. Позже слава его померкла: революционные демократы немало упрекали писателя в безыдейности и «ложной занимательности». Зато позднее, уже в XX столетии, в нашей стране наступила новая эра славы Дюма.

Сам Дюма тоже очень интересовался Россией. В те времена Россия казалась ему «страной гипербореев», огромной бескрайной равниной с редкими городами и бедными деревнями. В этих деревнях, по представлению Дюма, жили бородатые мужики, влачащие ярмо рабства; для него это был край, где плохие дороги тянутся без конца по степям и темным сосновым лесам и одинокие путники подвергаются нападению волков...

Интерес Дюма был не только теоретическим. В свое время он написал роман «Записки учителя фехтования», посвященный декабристам, где немало стрел было направлено против русского самодержавия. Книгу эту с недовольством встретили в Зимнем дворце, и об этом хорошо знал сам писатель.

«Княгиня Трубецкая, — писал он в своих дневниках, — друг императрицы, супруги Николая I, рассказывала мне, что однажды вечером царица уединилась в один из своих отдаленных будуаров для чтения моего романа. Во время чтения растворилась дверь и вошел сам император. Княгиня Трубецкая, исполнявшая роль чтицы, быстро спрятала книгу под подушку.

Император приблизился и, остановившись против своей августейшей половины, дрожавшей больше по привычке, спросил:

— Вы читали?

— Да, государь.

— Что вы читали?

Императрица молчала.

— Вы читали роман Дюма „Записки учителя фехтования“.

— Каким образом вы знаете это, государь?

— Ну вот! Об этом нетрудно догадаться. Это последний роман, который я запретил!»

Любопытно добавить к этому рассказу Дюма, что книга «Записки учителя фехтования» не могла появиться в свет на русском языке до самой революции. Впервые она была

опубликована в нашей стране в 1925 году!

Как видим, Дюма знал, что не может ждать благосклонного приема при Санкт-Петербургском дворе. Однако в 1858 году он все же решился: ведь для него это было не только путешествием, но и романом приключений.

Это были годы широкого общественного движения в России за освобождение крестьян, годы крестьянских волнений. Дюма ехал не в гости к царствующей династии, но, по его собственным словам, «присутствовать при великом деле освобождения сорока пяти миллионов рабов».

— Я не знаю, есть ли в мире какой-нибудь вид, — сказал он, глядя на Неву с гранитной набережной, — который мог бы сравниться с развернувшейся перед моими глазами панорамой...

Его поражали пространства, о которых он знал заранее, но не мог их себе реально представить. Его восхищали радушие и гостеприимство русских людей.

Впечатления от России, изложенные в книге «От Парижа до Астрахани», принято упрекать за фантастичность, за ошибки в описании русской жизни французским писателем. Но сейчас, когда опубликованы документы секретных архивов, мы знаем, как внимательно следили работники Третьего отделения за путешествием Дюма, как старались создать искусственную стену между ним и русским народом.

А путешествие это было совсем не простым. Дюма путешествовал не только по ухабистым трактам и проселкам, рекам, степям и горам. Книга была также путешествием по русской истории, литературе, русской политической действительности, с многочисленными экскурсами в область археологии, истории религии, стратегии и даже национальной кулинарии. Время от времени писатель позволял себе вторгаться в «запретную зону русской истории»: рассказывал об убийстве Павла I, о дворцовых переворотах XVIII века, об интимной жизни Петра I и Екатерины, о неприглядной политической действительности России...

Однако рядом с этим в книгу попали и баядерки, и огнепоклонники, и калмыцкие наездники, и медвежья охота, и даже стычка с горцами, мюридами «священной армии» Шамиля — все это было организовано русской полицией, все, включая столкновение со сторонниками Шамиля: казаки, переодетые в национальные костюмы горцев, затеяли перестрелку, а потом французскому писателю показывали лохмотья, вымоченные в крови барана, заколотого к обеду.

Да, он написал, что Пушкин родился в Пскове и умер сорока восемью лет, а Лермонтов — сорока четырех. Он перепутал немало

дат. Но он впервые рассказал миллионам французов о Пушкине, Лермонтове, Гоголе, художнике Александре Иванове, Глинке, Марлинском и о русских писателях-современниках. Он впервые перевел на французский язык, быть может и неточно, стихи Пушкина, Лермонтова, Полежаева, Некрасова. Он рассказал Европе о поэте-декабристе Рылееве и его запрещенной поэме «Войнаровский». В журнале «Мушкетеры», где публиковались его записки о России, он напечатал «Ледяной дом» Лажечникова и «Фрегат „Надежда“» Марлинского...

Мы должны оценивать писателя не по его случайным ошибкам, но по тому лучшему, что было им сделано. Александр Дюма любил Францию и писал для своего народа. Но мы справедливо считаем себя наследниками всего лучшего, что создано народами всего мира, и с гордостью можем сказать, что Александр Дюма — один из любимых писателей нашей молодежи и останется таким на долгие годы.

Когда Дюма однажды упрекнули в том, что он искажает историю, он ответил:

— Возможно, но история для меня — только гвоздь, на который я вешаю свою картину.

И это было правдой: писатель совсем не был историческим романистом. Он был создателем и блестящим представителем приключенческого романа на историческом материале, но он не смог стать французским Вальтером Скоттом — для этого ему не хватало щепетильной точности в изложении фактов и величия исторической мысли.

Вальтер Скотт не следовал позади колесницы Истории, подбирая упавшие крохи. Он воскрешал историю, выводя ее из тьмы забвения, и заставлял жить в сердцах. Он был прав даже тогда, когда не был щепетильно точен: психологическую правду он иногда предпочитал правде исторической. Дюма же любил эти крохи истории, как любил брызги фонтанов и огни фейерверка. Для него блеск брильянтов Анны Австрийской был ярче мрачных огней Варфоломеевской ночи и острие шпаги д'Артаньяна, направленной в грудь Мазарини, гораздо более грозным, чем все движение Фронды. И, когда после появления «Графа Монте-Кристо» гиды стали показывать в Марселе любопытным туристам дом Морелля, дом Мерседес, а в крепости Иф — камеры Эдмона Дантеса и аббата Фариа, Дюма гордился этим не потому, что он «сам творец истории», как сказал о нем один восторженный поклонник, но потому, что он создал образы героев такой запоминающейся силы.

Несмотря на внешнюю поверхностность романов Дюма, в их основе всегда лежат реальные факты. Писатель хорошо знал закулисную историю Франции XVI–XVII веков и всегда опирался на большой, собранный им материал. Иногда он ошибался, но чаще он переиначивал историю в соответствии со своим замыслом.

Он широко пользовался всякого рода дневниками, воспоминаниями и личными письмами — ведь его интересовали не большие исторические события, не широкие народные движения, а дворцовые интриги, быт эпохи. И главным для него были люди-герои с сильными страстями, всегда готовые к действию и борьбе.

О том, как работал Дюма, можно проследить на примере создания им «Трех мушкетеров».

В основу их легли «Мемуары д'Артаньяна», действительно

существовавшего, хотя никогда ничего не писавшего. Эти подложные мемуары сочинил Куртиль де Сандрас, правда, знавший д'Артаньяна лично.

Из этой книги Дюма взял имена героев — Атоса, Портоса и Арамиса, историю путешествия д'Артаньяна в Париж, историю Миледи и ряд приключений мушкетеров.

Кроме этого, Дюма использовал «Мемуары ля Порта». Они легли в основу истории Атоса — графа де ля Фер.

История с алмазами королевы заимствована из книги Редерера «Политические и любовные интриги французского двора».

Что же внес нового Дюма в роман «Три мушкетера»?

У Куртиля де Сандраса д'Артаньян только грубый вояка, охотник за богатыми вдовами, шпага и шпион Мазарини. Дюма наградил его умом, храбростью, хитростью, ловкостью, верностью в дружбе. Ничего этого нет в «Мемуарах». И, главное, из слуги Мазарини он превратился в его заклятого врага.

Дюма сделал то, что может сделать только талантливый писатель: он оживил историю и одухотворил ее полнокровными образами людей. Рядом с д'Артаньяном на страницах романа обрели жизнь три мушкетера: Атос, Портос и Арамис, кардинал Ришелье, Мазарини, Людовик XIII, королева Анна Австрийская, Миледи, Букингем, король Карл I Английский — люди такие своеобразные, не похожие друг на друга и в то же время близкие и понятные читателю.

Любопытно, что в «Трех мушкетерах» Дюма оказался историком больше, чем сам предполагал. Имена Атос, Портос и Арамис, которые он считал лишь псевдонимами, так как они звучали странно для французского уха, принадлежали людям, действительно существовавшим.

Атос родился около Советерр де Беарн и умер в 1643 году. По-видимому, он был убит на дуэли, так как его тело, проколотое шпагой, было найдено утром вблизи рынка.

Портос назывался Исаак де Порто. Он действительно был мушкетером, и его имя можно найти в списках времен Ришелье и Мазарини. Его род существует до сих пор, а потомки и сейчас живут во Франции.

Арамис именовался д'Арамиц. Его владения были расположены в долине Бартон...

Но Дюма писал не только исторические произведения. Один из его шедевров, роман «Граф Монте-Кристо», — книга о современной писателю Франции.

Интересно, что основа сюжета и целый ряд подробностей были заимствованы Дюма из полицейских протоколов, то есть

взяты из самой гущи окружающей его жизни.

В 1807 году сапожный подмастерье Пико готовился вступить в блестящий брак. Упоенный успехом, он хвастался своей удачей перед посетителями кафе, где постоянно обедал.

— Бьюсь об заклад, что я этому помешаю, — сказал своему приятелю Аллю хозяин кафе Лупьо, которого снедала низкая зависть.

Лупьо вместе с несколькими собутыльниками написал донос полицейскому комиссару, который, признав дело чрезвычайно важным, так как оно касалось заговора против государства, передал его министру полиции. Пико был арестован и как опасный политический преступник заключен в замке Фенестрель.

Два года спустя Лупьо женился на невесте Пико.

Через семь лет Пико вышел из заключения. В тюрьме он был лакеем и преданно ухаживал за скромным миланским священником. После смерти священника он оказался обладателем колоссального состояния, которое тот ему целиком завещал.

За годы тюрьмы несчастный Пико так изменился, что никто не мог его узнать. Озлобленный, он был одержим лишь одной мыслью: мстить всем тем, кто лишил его свободы и любимой девушки, мстить жестоко, мстить до конца.

Ценой драгоценного алмаза стоимостью пятьдесят тысяч франков он выпытал у Аллю имена доносчиков. Потом он, никем не узнанный, поступил в кафе Лупьо в качестве лакея.

Через несколько дней один из доносчиков был найден убитым ударом кинжала. На кинжале было выгравировано: «Номер первый».

На следующей неделе другой был отравлен. На его гробу оказалась надпись: «Номер второй».

Подозрение пало на Лупьо — это были его ближайшие приятели. Посетители стали сторониться его кафе, и Лупьо разорился. Он опустил, запил, жена его умерла с горя.

Вечером, после похорон жены, Лупьо встретил Пико в Тюильрийском саду. Тот открылся Лупьо и вонзил ему кинжал в сердце.

В этот момент Пико схватили, связали, заткнули ему рот и затем перенесли в подземелье. Это было сделано по наущению Аллю: алмаз, который он получил от Пико, возбудил его алчность. И он все время следил за мстителем, надеясь завладеть его огромным состоянием.

Пико был посажен на цепь. Аллю сказал, что не собирается его убивать и что будет даже хорошо его кормить, но за каждый обед пленник должен платить по двадцать пять тысяч франков.

Так как его жестокая месть была завершена, Пико уже ничего

не оставалось в жизни. Он умер от голода, так и не сказав, где спрятано его богатство.

На смертном одре Аллю открылся священнику, который сообщил об этом в префектуру. Так эта история попала в полицейский архив...

Если сравнить историю из полицейского протокола с романом «Граф Монте-Кристо», то станет ясным творческий метод Дюма. В истории Пико есть почти все мотивы романа, и Дюма оставалось лишь усложнить интригу, добавить новые эпизоды, быть может заимствованные из других источников, расшить эту грубую ткань золотым узором... Но ни в одном протоколе он не мог найти характеров, которые составляют главную прелесть романа. Подлинный талант Дюма раскрывался не в приключениях его персонажей и даже не в ярких картинках, нарисованных его мастерским пером. Мы считаем Дюма большим писателем потому, что он создал блестящую галерею таких героев, как граф Монте-Кристо — во всех его превращениях, Мерседес, Фернан, Данглар, Вильфор, Нуартье, аббат Фариа, Бертуччо, — галерею, которая живет и не меркнет вот уже больше столетия!

В истории Дюма предпочитал эпохи беспокойные, смутные, бурные, потому что они порождали сильные, действенные характеры. А то, что писатель всем другим краскам предпочитал черный и белый цвета, лишний раз свидетельствует, что это не картинки французского художника Мейсонье, который к каждому своему полотну прилагал лупу для его рассматривания, но мгновенные впечатления человека, находящегося в упоении битвой.

Нельзя рассматривать романы Дюма как историю Франции в художественных образах, как сделал один исследователь, расположивший все его произведения в хронологическом порядке описываемых в них событий. Нет, Дюма писал не только о Франции, у него есть исторические романы и о России («Учитель фехтования»), и об Италии, и об Англии (два романа о Робине Гуде), да и задача его совсем иная. Но для современного читателя они могут служить волшебным ключом к библиотеке истории. Он запомнит из его романов имена, последовательность главных событий, проникнет в дух эпохи. И, когда он перейдет к более серьезным и даже специальным книгам и отсеет верное от случайного, он, несомненно, добром вспомнит того, кто дружески взяв его за руку, ввел в этот яркий и удивительный мир.

Александр Дюма прожил большую, пеструю жизнь. Он был человеком добрых намерений, большого, свободного сердца и демократических убеждений.

Его детство было овеяно отблеском революционного пламени, и этого он не забывал всю жизнь. Он принимал участие в июльской революции 1830 года; сочувствовал освободительному движению во всех странах; ему были ненавистны рабство и национальное угнетение.

Но во всякой революции его привлекала больше внешняя сторона: знамена, факелы, баррикады, революционные песни, а не их социальный смысл. Всякая революция была для него как бы продолжением бурных и неистовых религиозных войн XVII столетия между католиками и гугенотами или завершением блестящих и победоносных наполеоновских походов.

Он принял деятельное участие в февральской революции 1848 года. В то время Дюма был командиром национальной гвардии Сен-Жермена. В решающий момент восстания он появился в мундире на Королевском мосту в сопровождении четырех или пяти гвардейцев, выкрикивая слова команды и жестикулируя так неистово, как если бы он командовал целой армией. Он прибежал в палату депутатов как раз тогда, когда народ требовал свержения короля и изгнания Орлеанского королевского дома. После перестрелки на Бульваре Капуцинов, где было много убитых, Дюма в знак траура закрыл свой Исторический театр.

Спустя несколько недель он посадил перед зданием театра «дерево свободы». Оркестр Варнея, разместившийся на балконе, давал бесплатные концерты, и толпа танцевала на улице, перед театром, до четырех часов утра. Все это было точным воплощением того, как Дюма представляет себе революцию.

Он был другом Гарибальди и уже далеко не молодым человеком принял участие в его походах в Сицилию и Неаполь. Для Гарибальди и его «тысячи» эти походы были битвой за свободу и объединение родного народа, для Дюма — очередной роман приключений.

Но внешняя пышность и пестрая мишура, в которую он так по-детски любил рядиться, не должна заслонять от нас подлинного лица писателя. Торжественные приемы, витиеватые речи, обильные обеды, встречи с великими мира сего, суды с издателями, ссоры с сотрудниками — а их число к концу жизни Дюма превысило семьдесят человек! — все это было мишурой,

которая забавляла, льстила самолюбию, но занимала лишь очень малую долю его жизни.

Александр Дюма становился самым собой лишь за своим девственно белым письменным столом, перед стопкой разноцветной бумаги, с гусиным пером в руках.

Сколько образов теснилось в его голове, сколько вымышленных героев толпилось около него, сколько эпитетов, метафор и метонимий висело на кончике его пера! И все они жаждали освобождения, мечтали воплотиться в буквы, строки и страницы каллиграфически написанной рукописи!

Как бы ни был Дюма угрюм, мрачен, объят сплином, он преображался, когда брал в руки перо.

— Мои самые безумные фантазии часто рождаются в мои самые пасмурные дни, — говорит он. — Вообразите себе грозу с розовыми молниями...

Самым большим счастьем для него было играть роль Провидения, Судьбы, Фортуны (так выражались в те дни) по отношению к своим героям. Ведь он мог одного сделать счастливым, другого — несчастным, обогатить или разорить, отдать бедному юноше, никак не ожидавшему этого, женщину, которую он любит. Он распоряжался жизнью и смертью своих персонажей, хотя порой они вырывались из-под власти писателя и, помимо его воли, совершали поступки, которые он никак не мог предвидеть. Но перо Дюма всегда послушно следовало за героями, так как писатель хорошо знал, что, если созданные им люди вырывались из-под его власти, значит, роман удался!

Он любил своих героев и почти верил в их существование.

Однажды Александр Дюма-сын застал отца в слезах.

— Что случилось, — спросил молодой человек. — Какое-нибудь несчастье?

— Портос умер! — ответил писатель. — Я должен был принести его в жертву.

Как мудрый и умелый советчик, почти как добрый отец, он убеждал своих неблагодарных блудных героев покинуть стезю порока и вернуться в отцовский дом. Он гипнотизировал читателя, одевал его то в королевскую парчу, то в лохмотья нищего. Он открыл поистине магические возможности романа, неизвестные до него.

Несмотря на упреки современников, часто справедливые, на снисходительное — сверху вниз — отношение историков литературы, причисляющих Дюма к писателям «второго ранга», он все же остался жить — и сейчас жив не менее, чем сто лет назад. Его пыл и одушевление стали бессмертными, так как он смело и щедро награждал ими своих героев. Он и сам ценил их

очень высоко: «Этими качествами — известно, с какой беспечной откровенностью я говорю о себе, — этими качествами я обладаю в совершенстве...»

В конце жизни, вспоминая пройденный путь, люди обычно жалуются на то, что не успели воплотить в жизнь свои мечты, сделали слишком мало. Александр Дюма, умирая и подсчитывая итоги жизни, сетовал, наоборот, на то, что сделал чересчур много лишнего, что слишком много сора среди его жемчужин...

Конец его жизни был печален: он скрывался от кредиторов, был вынужден бежать из столицы, прятался на даче своего сына. Парижская толпа, когда-то чтившая Дюма, как полубога, стала его забывать. Появились новые литературные кумиры. Это была эпоха Второй империи, диктатура Наполеона III, которого Виктор Гюго назвал Наполеоном Малым.

Новое литературное направление с предельной откровенностью выражало идеал империи, олицетворяя его в непойманном преступнике и полицейском сыщике. Властителями дум парижской черни стали Понсон дю Терайль и Габорио. В их произведениях уже не было и намека на правду или искусство.

А Дюма, постаревший, обрюзгший, старомодный, продолжал писать о благородных мушкетерах, о пленительной храбрости людей, готовых отдать жизнь за родину, за идею, за товарищей... Салонным плебеям и рыночным аристократам Второй империи все это казалось нелепым анахронизмом.

И вот прошло столетие, забылись сановники Наполеона III; никто, кроме историков литературы, не помнит имен Понсона дю Терайля и Габорио, а Дюма жив и сейчас, жив почти как наш современник.

Писателя нужно судить не по его ошибкам или неудачам, но по тому, что он сделал лучшего, что осталось в жизни. Пусть же он останется в нашей памяти таким, каким был только наедине с самим собой, — неистовым, страдающим одышкой, с пером в руках за своим письменным столом. Его обступают тени созданных им героев; сквозь тени просвечивает простая обстановка его мастерской: белая доска стола, плотно сбитый стул, железная кровать, камин со стоящими на нем книгами, три разноцветные стопки бумаги на столе. Тени, еще не воплотившиеся, требуют, чтобы он дал им вечную жизнь на страницах романов. Писатель поднимает перо, как шпагу; он прокалывает им злодеев, посвящает в рыцари любимцев и пишет, пишет, покрывал огромные листы бумаги своим быстрым, легким почерком.

Александра Дюма читают уже свыше ста лет и прочли десятки, если не сотни миллионов восторженных почитателей на

всех материках, во всех странах света. Он друг юношей и девушек всего мира и всегда готов вступить с ними в дружескую беседу: достаточно лишь снять с полки одну из его книг — а их столько, что можно ими наполнить целую библиотеку! — и раскрыть ее. И перед нами появится неутомимый рассказчик, подобный героям «Тысячи и одной ночи», окруженный неисчислимой толпой созданных им людей.

А о какой более высокой и славной судьбе еще может мечтать писатель!